

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

НУЖДЫ ЕДИНОВѢРІЯ.

(Ходатайство единовѣрцевъ объ измѣненіи правилъ митрополита Платона).

Въ 224 № 1877 г. „Современныхъ Извѣстій“ мы прочитали заимствованное изъ „Русскаго Мира“ извѣстіе о томъ, что „въ средѣ московскаго единовѣрческаго общества возникла мысль о ходатайствѣ предъ церковною властію относительно нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ правилахъ митрополита Платона 27 октября 1800 г., коими опредѣляются отношенія единовѣрцевъ къ православной церкви и вообще ихъ церковное положеніе“. Первое впечатлѣніе, произведенное въ насъ ознакомленіемъ съ желаніями московскихъ единовѣрцевъ, было отрадное. Съ перваго разу намъ показалось было, что эти желанія направлены къ тому, чтобы еще болѣе сблизить единовѣріе съ православіемъ и устранить нѣкоторыя преграды, отдѣляющія единовѣрцевъ отъ православныхъ. Мы готовы были согласиться съ тѣмъ, что эти „намѣренія дѣйствительно благочестивы“ и своимъ источникомъ имѣютъ не иное что, какъ „миролюбивое и миротворное настроеніе единовѣрческаго общества“. Мы готовы были въ душѣ пожелать полного успѣха предпріятію московскихъ единовѣрцевъ и сказать имъ: въ добрый часъ!... Но перечитавши еще разъ извѣстіе означенной газеты и поразмысливши внимательнѣе о желаніяхъ единовѣрцевъ, мы встрѣтились съ нѣкоторыми недоразумѣніями, которыя возбудили въ насъ даже сомнѣніе относительно чистоты и искренности „благочестивыхъ намѣреній“ московскихъ единовѣрцевъ. Считаемъ не лишнимъ заявить о своихъ недоразумѣніяхъ. Можетъ быть это побудитъ кого-либо выяснить недоразумѣнія и представить дѣло въ такомъ видѣ, чтобы оно не давало повода къ недоразумѣніямъ.

1) „Московскіе единовѣрцы“, говоритъ упомянутая газета, „повидимому не всё, но значительнымъ большинствомъ своего общества, думаютъ просить о разрѣшеніи принимать въ ихъ приходскія школы дѣтей православныхъ родителей (что, какъ оказывается, въ настоящее время воспрещается), о предоставленіи имъ права дѣтей, рожденныхъ отъ отца православнаго и матери единовѣрки, и наоборотъ, крестить и приобщать св. Таинъ не въ однихъ православныхъ, но и въ едино-

вѣрческихъ храмахъ“. Съ цѣлю ближайшаго ознакомленія съ дѣломъ, а также для точнѣйшаго опредѣленія того, насколько далеко идутъ миролюбивыя намѣренія единовѣрцевъ, мы достали печатную копию съ поданныхъ синодальному члену, Платону митрополиту московскому, при прошеніи отъ московскихъ старообрядцевъ пунктовъ „о устроеніи имъ церкви и о снабженіи ихъ правильными священниками“. Къ удивленію своему мы не встрѣтили въ нихъ никакого даже намека о допущеніи или недопущеніи дѣтей православныхъ родителей въ единовѣрческія школы. Очевидное дѣло, означенный пунктъ къ правиламъ митрополита Платона отношенія не имѣетъ. Странно было бы просить у Синода разрѣшить то, чего онъ не запрещалъ. Если до сихъ поръ воспрещено было принимать дѣтей православныхъ родителей въ единовѣрческія школы, то воспрещеніе это, значить, исходило не отъ св. Синода и не отъ свѣтской власти, а отъ тѣхъ лицъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся эти школы, т. е. отъ самихъ же единовѣрцевъ; значить и снять это воспрещеніе—совершенно во власти тѣхъ, кто наложилъ его. Своимъ ходатайствомъ по этому дѣлу московскіе единовѣрцы только обнаружили оставшіяся доселѣ неизвѣстными, ими же самими установленныя и отнюдь неузаконенныя, отношенія къ членамъ православной церкви. Въ такомъ видѣ представлялось намъ дѣло, пока мы сравнивали желаніе московскихъ единовѣрцевъ съ правилами митрополита Платона. Недоумѣніе наше возрасло еще болѣе, когда случай доставилъ намъ возможность спросить объ этомъ нѣкоторыхъ людей, принадлежащихъ къ средѣ московскаго единовѣрческаго общества и довольно близко знакомыхъ съ положеніемъ его церковныхъ дѣлъ. Оказывается, что никакого воспрещенія принимать дѣтей православныхъ родителей въ единовѣрческія школы не являлось ни со стороны администраціи, ни со стороны самаго общества; что сію минуту единовѣрческія школы наполнены дѣтьми православныхъ родителей, что право обученія въ нихъ поручается лицамъ православнаго исповѣданія. Что же выходитъ? Выходитъ, что это ходатайство сочинено искусственно. Ради чего только? Это пока остается неяснымъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и о второй половинѣ означеннаго ходатайства, т. е. о предоставленіи единовѣрцамъ права дѣтей, рожденныхъ отъ отца православнаго и матери единовѣрки, и наоборотъ, крестить и приобщать св. Танинъ не въ однихъ православныхъ, но и въ единовѣрческихъ храмахъ. Въ правилахъ митрополита Платона относительно этого, также какъ и относительно предшествующаго, нѣтъ упоминанія. Очевидное дѣло, когда устроивалось единовѣріе, вопросъ о силѣ крещенія и причащенія, совершаемаго въ единовѣрческихъ храмахъ и единовѣрческими священниками, пріятными рукоположенія отъ

православнаго епископа, не подлежалъ колебанію. Значить утруждать св. Синодъ просьбою объ отиѣненіи правила несуществующаго нѣтъ основанія. Но можетъ быть, это правило, не будучи регламентировано митрополитомъ Платономъ, удерживается на практикѣ, освящено неписаннымъ закономъ? Но и на этотъ счетъ мы получили самыя точныя разувѣренія со стороны того лица, съ которымъ бесѣдовали о единовѣрческихъ школахъ. Отъ него узнали мы, что въ отношеніи ко крещенію и причащенію названныхъ младенцевъ, никакого утѣсненія единовѣрскимъ священникамъ не чинится, что они совершаютъ означенныя таинства надъ дѣтми вполне безпрепятственно. Если и бывають случаи, когда дѣти, рожденныя отъ указанныхъ выше браковъ, приносятся для крещенія и причащенія въ православныя храмы, то это отнюдь не по какому-либо принужденію съ чьей-либо стороны, а просто въ видахъ удобства, т. е. когда по отдаленности мѣста жительства родителей отъ единовѣрскаго храма имъ удобнѣе приносить дѣтей въ православныя храмы, ближайшіе къ мѣсту ихъ жительства. Значить разсмотрѣніе и этой стороны ходатайства убѣждаетъ насъ въ ея искусственности, сочиненности такъ-сказать, ибо она взята не съ практики, не съ правилъ, а имѣетъ свое основаніе въ какихъ-либо особливыхъ цѣляхъ тѣхъ лицъ, которымъ принадлежитъ редакція этого ходатайства. Какія это цѣли,—опять мы этого не можемъ пока видѣть.

2) „Затѣмъ они (московскіе единовѣрцы) намѣреваются ходатайствовать и о томъ, чтобы какъ духовнымъ лицамъ, такъ и мірянамъ той и другой стороны предоставлена была полная взаимная свобода участія въ богослуженіи и общенія въ таинствахъ, вопреки п. 11 правилъ 1800 г., проводящему въ этомъ отношеніи между православными и единовѣрцами рѣзкую черту раздѣленія“. 11-й пунктъ прошеній московскихъ старообрядцевъ въ процитованной выше копіи выраженъ такъ: „если кто изъ грекороссійской церкви пожелаетъ приобщаться св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранятъ. Равно жъ если и старообрядецъ пожелаетъ приобщаться св. Таинъ въ грекороссійской церкви, не возбранятъ оному“. Мнѣніе м. Платона по сему пункту было таково: „по сей статьѣ сынъ православной грекороссійской церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника и церкви, а старообрядцу дозволить то безъ всякаго затрудненія“. Изъ этого видно, что современные намъ единовѣрцы возобновляютъ желаніе своихъ отцовъ. М. Платонъ остерегся одобрить вполне желаніе послѣднихъ. Не слѣдуетъ ли въ свою очередь преемникамъ м. Платона держаться той же осторожности въ отношеніи къ желаніямъ единовѣрцевъ? Не знаемъ, вѣрно ли мы представляемъ себѣ мысль м. Платона, но намъ

кажется, что въ своемъ мнѣніи онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что единовѣріе должно служить облегченіемъ для возвращенія изъ раскола къ православію, а не средствомъ къ приученію членовъ православной церкви содержать обряды только дозволенные православною церковію, каковы обряды единовѣрческіе; въ послѣднемъ случаѣ могла быть опасность полнаго отпаденія отъ церкви человѣка, искони принадлежавшаго къ ней; единовѣріе могло служить повтому средствомъ для прохожденія человѣка впередъ и назадъ: этого-то и не допускалъ м. Платонъ. Если эти опасенія не утратили своей силы и въ настоящее время, то намъ кажется къ ходатайству московскихъ единовѣрцевъ слѣдовало бы отнестись съ тою же осторожностію, съ какою отнесся и м. Платонъ. Мы впрочемъ далеки отъ того, чтобы заподозривать московскихъ единовѣрцевъ въ неискренности, въ желаніи воспользоваться единовѣріемъ въ ущербъ православной церкви. Мы вполне вѣримъ ихъ миролюбивому настроенію и желанію еще тѣснѣе соединить единовѣріе съ православіемъ. Но въ такомъ случаѣ о чемъ хлопотать? Самъ м. Платонъ въ поименованномъ пунктѣ дозволяетъ старообрядцу принимать св. Тайны въ православномъ храмѣ. Имъ остается только припомнить это правило, на которое они ссылаются, и успокоиться. А если они желаютъ, чтобы и православнымъ дозволено было принимать таинства въ единовѣрческихъ храмахъ, то это другое дѣло. Здѣсь прежде всего является вопросъ: къ чему это? Откуда явится у православнаго человѣка желаніе, покинувши православный храмъ, идти въ единовѣрческій? чѣмъ объяснить это предпочтеніе одного храма другому? куда потомъ это поведетъ? Если московскіе единовѣрцы этого желаютъ, то является мысль, нѣтъ ли у нихъ чего на умѣ другаго, когда они хлопочутъ о дозволеніи православнымъ принимать таинства въ единовѣрческихъ храмахъ. Миролюбивое настроеніе ихъ можетъ, пожалуй, сопровождаться ущербомъ для православной церкви и отпаденіемъ отъ нея людей, искони принадлежавшихъ къ ней.

Практика, сама жизнь, не дожидаясь никакихъ разрѣшеній свыше, говорятъ, уже давно рѣшила этотъ вопросъ въ истинно, а не мнимо, миролюбивомъ духѣ и къ обоюдному удовольствію церквей православной и единовѣрческой. Мы слышали, что есть не мало единовѣрцевъ, которые за неудобствомъ посѣщать единовѣрческіе храмы, посѣщаютъ приходскіе православные храмы. Равно также и православные (кромѣ даже смертныхъ случаевъ), если представляется для нихъ болѣе удобнымъ принимать таинства въ единовѣрческихъ храмахъ, принимаютъ тутъ; за это ихъ не подвергали преслѣдованію, въ этомъ не встрѣчали они себѣ препятствія. Намъ кажется, что если дѣйствительно московскіе единовѣрцы имѣютъ миролюбивыя намѣренія, ходатайствуя по это-

му пункту, то они гораздо лучше бы поступили и достигли бы своей цѣли, оставивъ дѣло въ томъ видѣ, какъ оно теперь.

Что же касается до предоставленія духовнымъ лицамъ той и другой стороны полной взаимной свободы участія въ богослуженіи, то препятствія къ этому если и встрѣчались, то они свое основаніе находили вовсе не со стороны духовной власти и не со стороны духовныхъ лицъ. Единовѣрческое духовенство, главнымъ образомъ состоитъ изъ лицъ принадлежащихъ къ православной церкви, значить такихъ, которыя въ себѣ самихъ, въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на православную церковь не имѣютъ ни малѣйшаго основанія чуждаться участія въ священнослуженіи съ православнымъ духовенствомъ и въ случаяхъ надобности принимаютъ это участіе ничтоже сумняся; равно также и православное духовенство относится къ единовѣрческому, какъ къ своему; ибо какъ безусловно православное духовенство, такъ и единовѣрческое имѣетъ одного енархіальнаго архіерея, какъ единого своего отца и архипастыря. Повторяемъ, въ этомъ отношеніи если и встрѣчались помѣхи, то онѣ свое основаніе имѣли въ самихъ единовѣрцахъ. Значить, если единовѣрцамъ хочется уладить дѣло такъ, какъ значитса въ ихъ ходатайствѣ, то имъ не зачѣмъ обращаться къ власти за разрѣшеніемъ; имъ стоитъ только дать замѣтить, что ихъ чувство ни мало не оскорбляется совмѣстнымъ священнослуженіемъ единовѣрческаго духовенства съ православнымъ и православнаго съ единовѣрческимъ. Въ противномъ же случаѣ, если въ самихъ единовѣрцахъ не будетъ внутренняго, искренняго сочувствія этому, дѣло не выиграетъ, хотя бы и дано было искомое разрѣшеніе.

Подводя итогъ сказанному относительно этой стороны ходатайства московскихъ единовѣрцевъ мы приходимъ къ сомнѣнію въ томъ, чтобы истинною цѣлю этого ходатайства было то, что выставляется; цѣль достигалась бы легко безъ особыхъ разрѣшеній. Не скрывается ли здѣсь какая иная цѣль? Зачѣмъ ставить цѣлю своихъ желаній то, что есть уже на дѣлѣ?

3) „Далѣе, предполагается просить и о томъ, чтобы лицамъ, записаннымъ въ церковныхъ православныхъ метрикахъ, но на дѣлѣ къ церкви не принадлежащимъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ церкви, дозволено было приписываться къ приходамъ единовѣрческимъ, въ упрядненіе п. 5 правилъ митрополита Платона, которымъ требуется безусловно, чтобы такихъ лицъ принимать въ общеніе не иначе, какъ объявлять ихъ быть прихожанами церквей православныхъ“. Обратимся опять для уясненія дѣла къ самимъ правиламъ. 5-й п. прошеній, поданныхъ московскими старообрядцами, между прочимъ говорить: „старообрядцамъ, хотя и не записнымъ, но издавна удаляющимся отъ сообщества церкви греко-

россійской, таковымъ не возбраняеть присоединяться къ церкви старо-обрядческой“. По этому пункту мнѣніе м. Платона было таково: „а чтобы не возбраняеть присоединяться къ церкви, ими просимой, и другимъ не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества церкви грекороссійской, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотогъ въ церковь православную не ходилъ и таинства ея не принималъ, и то, нашедши его таковымъ, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ, никакъ до такового присоединенія не допускать.“ Сравнивая желаніе московскихъ единовѣрцевъ 1877 г. съ желаніемъ московскихъ единовѣрцевъ 1800 г. мы находимъ прежде всего нѣкоторую разность въ редакціи. Тогда были раскольники не записные, т.-е. открыто не заявившіе себя раскольниками, но и нечислившіеся въ церковныхъ книгахъ православной церкви. О присоединеніи таковыхъ и говорилось въ п. 5 правилъ. Ныгнѣшніе единовѣрцы говорятъ о лицахъ, числящихся въ церковныхъ книгахъ и вѣдомостяхъ православной церкви, значить прямо о членахъ православной церкви. Мнѣніе м. Платона было ясно. Слѣдовало произвести точное разслѣдованіе о принадлежности означенныхъ лицъ къ расколу и по точномъ удостовѣреніи въ семъ отнестись къ нимъ, какъ къ обращающимся изъ раскола. Этому слѣдовало бы держаться и теперь. Но найдутъ ли это удобнымъ сами единовѣрцы? Обращеніе изъ православія къ единовѣрью,—это не то же, что присоединеніе изъ раскола къ единовѣрью. И самое разслѣдованіе здѣсь должно получить иной видъ. Какимъ образомъ человекъ, считавшійся православнымъ, вдругъ обращается къ единовѣрью на томъ основаніи, что онъ не былъ православнымъ? Какими данными будетъ руководствоваться епископъ при разслѣдованіи этого дѣла? Единственныя данныя,—это отмѣтка приходскаго священника о небытіи такового человека на исповѣди въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но въ такомъ случаѣ было ли обращено своевременно вниманіе на такого человека? Или можетъ быть единовѣрцы желаютъ, чтобы это дѣло устраивалось помимо епископа, по одному личному заявленію человека, что онъ, хотя-де и числится въ вѣдомостяхъ православной церкви, на дѣлѣ же не принадлежалъ къ ней? Но согласится ли св. Синодъ утвердить такой порядокъ дѣлъ? Не значило ли бы это облегчить людямъ переходъ отъ одной церкви къ другой? Не послужило ли бы это опаснымъ прецедентомъ для подобныхъ ходатайствъ со стороны другихъ исповѣданій? Во всякомъ случаѣ для насъ неслена цѣль, съ какою московскіе единовѣрцы возобновляютъ ходатайство своихъ отцовъ и притомъ въ нѣсколько измѣненной формѣ и болѣе опасной для православной церкви. По нашему мнѣнію, это ходатайство не имѣетъ

отношенія къ миролюбивымъ намѣреніямъ единовѣрцевъ. О какихъ-либо раздорахъ изъ-за этого пункта намъ не приходилось слышать. А легко можетъ выдти вотъ что. Человѣкъ, легко и безпрепятственно переходящій отъ православія къ единовѣрью, можетъ и не остановиться на этомъ. Путь паденія и отпаденія, крутъ и скользокъ. Стоитъ сдѣлать одинъ неосторожный шагъ, чтобы потерять равновѣсіе и уже невольно, и уже быстро устремиться внизъ.

4) Переходимъ, наконецъ, къ послѣдному и какъ намъ кажется составляющему собой главнѣйшій пунктъ въ ходатайствѣ московскихъ единовѣрцевъ: „Наконецъ думаютъ просить и о томъ, чтобы обѣимъ сторонамъ, православной и единовѣрческой, было подтверждено о точномъ соблюденіи правила 16 митрополита Платона, къ сожалѣнію весьма часто пренебрегаемаго: происходившіе доселѣ распри, раздоры и хулы ни съ одной стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо таковая обостренная разность какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы (единовѣрцы) и сынове греко-россійской церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, святая, соборная и апостольскія церкви. Для удовлетворенія этихъ „нуждъ единовѣрія“, дѣйствительность коихъ подвергалась нѣкоторыми учеными сильному сомнѣнію, нынѣ же съ очевидностію доказывается благочестивымъ намѣреніемъ, возникшимъ въ средѣ миролюбиво и миротворно настроеннаго единовѣрческаго общества, просители полагаютъ вполне достаточнымъ разрѣшеніе св. Синода, безъ предварительнаго сношенія съ восточными православными престолами, ссылаясь при этомъ на извѣстную эпистолю Константинопольскаго патріарха Писсія и Константинопольскаго собора къ патріарху Никону 1655 года, въ которой провозглашена мысль о свободѣ мѣстнаго церковнаго обряда и которая въ то же время одобрена и утверждена московскимъ соборомъ 1666—1667 гг.“ Въ приведенномъ мѣстѣ есть нѣкоторыя выраженія, которыя возбуждаютъ не мало недоумѣній и которыя даютъ поводъ ко многимъ предположеніямъ. Во-первыхъ, единовѣрцы считаютъ нужнымъ просить подтвержденія со стороны св. синода о точномъ соблюденіи 16 правила м. Платона. Значитъ существуютъ настоятельныя причины, побуждающія къ тому единовѣрцевъ. Значитъ есть люди, которые продолжаютъ порицать единовѣрцевъ за содержимые ими обряды и обычаи. Къ сожалѣнію единовѣрцы не указали для примѣра ни одного такого случая. Но мы повѣримъ имъ на слово. Вѣроятно во взаимныхъ сношеніяхъ имъ приходилось встрѣчаться съ такими поистинѣ достойными сожалѣнія случаями. Но если единовѣрцы имѣютъ въ виду тѣ разности, съ которыхъ осужденіе снято уже при учрежденіи единовѣрія

(напр. двуперстное сложение, сугубое аллилуія, хожденіе посоловъ и т. п.), то подтвержденіе со стороны св. синода вовсе не требуется. Мнѣніе св. Синода всѣмъ извѣстно. Если разъ высказанное оно не въ состояніи обуздать нѣкоторыхъ, то и подтвержденіе мнѣнія дѣлу не поможетъ. Не отъ незнанія мнѣнія православной церкви происходитъ то, а отъ слѣпаго недоразумія, бѣсти и ожесточенія, которое будетъ продолжаться и послѣ подтвержденія. Повторяемъ, лично мы не слышали о чемъ-либо подобномъ, т. е. чтобы *единовѣрцевъ* кто-либо порицалъ и хулилъ за привязанность къ своимъ обрядамъ, не соединенную съ противленіемъ церкви и враждою противъ ея служителей. Во-вторыхъ, упирая на благочестивость своего намѣренія единовѣрцы имѣютъ въ виду просить св. Синодъ удовлетворить ихъ „нужды“, но тутъ же слѣдуетъ предупредить почему-то, что св. синоду не нужно сноситься для этого съ восточными патріархами. Тутъ что-то не такъ. Почему единовѣрцы думаютъ, что св. Синодъ будетъ сноситься съ восточными патріархами, а не ограничится данными имѣющимися въ его распоряженіи? Мнѣніе патріарховъ св. Синоду извѣстно. Просить новаго подтвержденія этому мнѣнію,—подобно тому какъ сами единовѣрцы просятъ отъ св. Синода подтвержденія его мнѣнія,—безъ особой надобности св. Синодъ едва ли станетъ и примѣру единовѣрцевъ едва ли послѣдуетъ. Но кромѣ того видно, что сношеніе св. Синода съ патріархами единовѣрцамъ почему-то нежелательно и они съ любезною предупредительностію напоминаютъ св. Синоду объ основаніяхъ, руководствуясь которыми онъ можетъ въ данномъ случаѣ поступить самостоятельно. Откуда эта боязнь сношенія съ патріархами? Не знаемъ, можетъ быть мы и ошибаемся, но намъ кажется, нѣтъ ли у единовѣрцевъ намѣренія ввести у себя подъ именемъ древнихъ какіе-либо новыя обряды или обычаи, несогласныя съ практикою православной церкви, не вошедшія въ перечень тѣхъ обрядовъ и обычаевъ, содержаніе которыхъ дозволено, одобреніе и дозволеніе которыхъ можетъ состоять только по предварительномъ и внимательномъ разсмотрѣніи ихъ высшею церковною властію? *)

*) До насъ дошли наприм. слухи, за достовѣрность которыхъ ручаются передававшіи намъ лица,—что въ единовѣрческихъ церквахъ постепенно входитъ въ обычай причащать мірянъ по три ложки, а не по одной, какъ содержитсяъ это въ православной церкви, и какъ было у нихъ доселѣ. Если это такъ, то любопытно было бы знать, чѣмъ руководствуется единовѣрческое духовенство, допуская столь важное измѣненіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ всей православной церкви, и имѣетъ ли оно на то законное дозволеніе отъ церковной власти?

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ сказать, что мы сочли бы себя счастливыми, еслибы наши недоумѣнія оказались неосновательными, еслибы миролюбивость и благочестивость намѣреній единовѣрцевъ поставлена была вѣдѣ сомнѣній. А то, хотя мы и не причисляемъ себя къ ученымъ людямъ, „нужды единовѣрія“ и намъ представляются какъ-то неопредѣленны, а потому и сомнительны.

М.